
ВЫДАЮЩИЕСЯ КРИМИНОЛОГИ МИРА

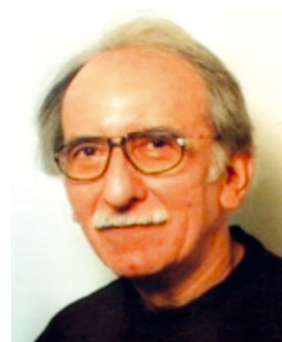
WORLD'S DISTINGUISHED CRIMINOLOGISTS

УДК 343.9

DOI [10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).419-422](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).419-422)

ГЕЛЬМУТ КУРИ, ВЕДУЩИЙ НЕМЕЦКИЙ КРИМИНОЛОГ, О СЛОЖНОСТИ И НЕОДНОЗНАЧНОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫВОДОВ

HELMUT KURY, THE LEADING GERMAN CRIMINOLOGIST, ABOUT THE COMPLEXITY AND AMBIGUITY OF CRIMINOLOGICAL CONCLUSIONS

Российским криминологам имя Гельмута Кури хорошо известно. Он — член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, член Объединения криминологов СНГ.

Гельмут Кури родился 4 декабря 1941 г. Закончил Фрайбургский университет по специальности «Психология». Преподавал судебную психологию и криминологию в университетах Германии, Швейцарии, Португалии. Руководитель и участник многих крупных международных криминологических проектов.

С 1973 по 1980-й и с 1992 по 2006 г. работал старшим научным сотрудником отдела криминологии Института зарубежного и международного уголовного права имени Макса Планка (Фрайбург, Германия). В 1980–1988 гг. — директор Института криминологических исследований Нижней Саксонии (Ганновер, Германия).

Автор более 600 научных работ, большинство из которых криминологические.

Важный вклад Гельмута Кури в отечественную криминологию состоит в том, что он, осуществляя криминологические проекты совместно с криминологами из стран бывшего Советского Союза, внедрял в методологию отечественной криминологии новые технологии исследования, нетипичные для советской и постсоветской криминологии, в частности метод психологического эксперимента. Участие Г. Кури в международных криминологических исследованиях не только повышает их статус, но и задает новую парадигму этих изысканий. Ученый всегда был желанным участником многих научных криминологических конференций в России и странах ближнего зарубежья (в Казахстане, Грузии, на Украине и др.). Его научная мобильность просто поражает: интервью мне он давал, готовясь к поездке в Катар на симпозиум ООН

по проблемам международной преступности. Мы знакомы с 2011 г. Меня приятно удивило наличие у такого видного ученого с мировым именем феноменального чувства отзывчивости и товарищества, желания всячески помочь своим коллегам. В 2011 г. профессор, доктор юридических наук Ю.В. Голик посоветовал мне прочитать только что вышедшую статью Г. Кури в одном из журналов. Я не смогла найти журнал в доступных источниках и написала Г. Кури лично на адрес его электронной почты, найденный мною случайно в Интернете. Он ответил буквально моментально и тут же прислал скан статьи. Я полагаю, что наилучшим представлением Г. Кури как ученого-криминолога будет его собственная позиция по некоторым вопросам современной криминологии, озвученная им в ходе интервью, данного мне в апреле 2015 г. Обращают на себя внимание научная честность и ответственность большого ученого за результаты своей деятельности.

— С какого времени вы начали интересоваться проблемами криминологии? Что побудило вас заняться ими?

— В гимназии (Фрайбург, Германия) у меня возник интерес к психологии, поэтому я стал далее изучать ее во Фрайбургском университете. Я очень хотел иметь работу, связанную с общением с людьми. Изучение этой науки отвечало моим потребностям и доставляло мне огромную радость. В Институте психологии университета было отделение судебной психологии, при котором функционировал отдел судебно-психологической экспертизы. Я получил возможность работать в этом отделе как хорошо успевающий студент. Именно там я впервые начал изучать преступность, ее показатели, методы исследо-

вания состояния и прогнозирования преступности. В 1970 г. после окончания университета я получил предложение остаться работать в Институте психологии Фрайбургского университета. С этого времени я уже начал профессионально готовить судебные экспертные заключения и криминологические отчеты.

Примерно в это же время я прослушал курс по недирективной психотерапии Карла Роджерса, и мне предложили работать в области ресоциализации правонарушителей. Во Фрайбурге есть большая тюрьма, которой более 100 лет, в ней отбывают длительные сроки наказания преступники мужского пола. Там я работал по совместительству. Затем, в 1973 г., я получил предложение перейти в отдел криминологии Института зарубежного и международного уголовного права имени Макса Планка — MPI, которое я принял, потому что мне были очень интересны эмпирические криминологические исследования. В MPI я проработал до 1980 г., затем был назначен первым директором вновь созданного Института криминологических исследований Нижней Саксонии в Ганновере. Я фактически с нуля организовал работу института и проработал там до 1988 г. В 1988 г. я вновь вернулся в MPI и во Фрайбургский университет, где работал до выхода на пенсию.

Человеческое поведение и его причины можно очень хорошо понять, когда исследуешь личность человека, попавшего в сложные условия, в частности совершившего преступление. В MPI я занимался исследованиями в области ресоциализации преступников, изучения причин преступности, а также проблемами назначения наказания, его действенности и страха перед наказанием.

– Назовите, пожалуйста, самый значимый криминологический проект в вашей научной биографии.

– Я осуществил довольно много совместных исследовательских криминологических проектов, результаты которых были опубликованы. В основном я работал с криминологами из стран бывшего социалистического лагеря (Польша, Венгрия) и бывших республик Советского Союза (Грузия, Казахстана, Украины, Кыргызстана и т.д.), и конечно с российскими. В этом территориальном пространстве реализовывались международные сравнительные проекты, касающиеся тенденций преступности в отдельных странах и причин их

возникновения. Пожалуй, самым главным моим криминологическим проектом стало исследование условий ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей. Мне важно было уяснить: каковы причины молодежной преступности, какова в ней роль социальных и личностных факторов и, главное, что должно быть сделано, чтобы успешно интегрировать несовершеннолетних правонарушителей в общество.

Этот вопрос волнует меня и в настоящее время, когда я, как и прежде, готовлю криминологические прогнозы для судов. Я по-прежнему задаю себе взаимоисключающие вопросы: должен ли преступник обязательно сидеть в тюрьме или можно позволить ему жить безнаказанно в условиях свободы?

Это не только проблема человеческого фактора, но и экономический вопрос, потому что содержать тюрьмы государству очень дорого. В Германии один день содержания одного преступника обходится казне примерно в 80 евро. Поэтому в последние годы я все больше и больше интересуюсь проблемой действенности уголовных санкций, оценкой их эффективности, такими взаимосвязанными вопросами, как отношение населения к наказаниям и его страх перед преступностью.

– У жителей какой из стран, где вы проводили исследования, самый большой страх перед наказанием?

– На этот вопрос очень трудно ответить, поскольку в большинстве стран нет сравнительных исследований в такой сложной области, как страх перед наказанием, и точно измерить такой страх очень сложно.

Исследования последних десятилетий все чаще показывают, что даже ученые-криминологи под страхом наказания понимают, как правило, смесь разных страхов. Любой, кто чувствует, что может потерять работу или не имеет достаточно денег, чтобы удовлетворять жизненные потребности, кто беспокоится о том, что будет бедным в старости, может в принципе рассматривать криминальный вариант решения возникших трудностей, и здесь возникает проблема страха перед наказанием. В Германии с 1991 г. проводится ежегодный опрос «Страхи немцев». По результатам первого исследования было выявлено, что на первом месте из 15 различных страхов был страх стать жертвой преступления. В настоящее время уровень этого

страха снизился до предпоследнего значения. В первую очередь сейчас значимы такие страхи, как рост стоимости жизни, страх нехватки денег на безбедную старость, страх потерять работу. В 1995 г. было проведено международное сравнительное криминологическое исследование в разных странах (см.: Zvekic, U., Alvazzi del Frage, A. (1995). *Criminal Victimization in the Developing World*. Rome: United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute). В его отчете говорится, что в странах Африки и Латинской Америки были зафиксированы самые высокие значения уровня страха перед наказанием за преступление. В ходе опроса в странах ЕС (см.: Dijk, J. van, Manchin, R., Kesteren, J. van, Nevala, S., Hideg, G. (2007). *The Burden of Crime in The EU*. Brüssel: Gallup Europe; info@gallup-europe.be) самые высокие значения этого показателя были зарегистрированы у респондентов из Греции, Эстонии и Великобритании. Однако эти результаты могут быстро поменяться в связи с каким-либо одиночным чрезвычайным событием.

– **В какой стране лучшая система профилактики правонарушений среди несовершеннолетних?**

– Эффективное предупреждение преступности во многом определяется условиями жизни людей, особенно молодых. Какие шансы есть у молодежи для обучения и получения профессии, для реализации их потребностей? Насколько эти условия стабильны и применимы для всех категорий молодежи? В промышленно развитых западных странах в последние десятилетия все больше увеличивается разрыв между богатыми и бедными. Это означает, что все больше людей становится или очень богатыми, или очень бедными, сокращается средний класс. Социальные условия изменяются в сторону большей закрытости и одиночества. Чтобы предотвратить преступление, важно добиваться помощи нуждающимся семьям, включая обеспечение возможности получения хорошего образования. Такая помощь особенно важна в первые годы социализации ребенка. Это хорошо прослеживается на примере северных европейских стран — Финляндии, Норвегии и Швеции. Германия также имеет относительно хорошую систему такой помощи и поддержки. Но иногда в угоду политике возникает соблазн потребовать ужесточения наказания для несовершеннолетних преступников, игнорируя при

этом вопросы предупреждения преступности и помощи оступившимся.

– **Существует ли в современной Европе, и в частности в Германии, тенденция увеличения страха населения перед преступностью, страх виктимизации населения? С чем это связано?**

– Страхи населения перед преступностью обусловлены, как я уже сказал, общими социальными условиями жизни, а не только самой преступностью. В Германии страх перед преступностью, страх стать жертвой преступления снизился по сравнению с 1990-ми гг. и менее значим на фоне других страхов. Немцев, как и жителей других промышленно развитых западных стран, больше волнует безработица, проблемы в политике, бедность в старости или болезни, чем страх стать жертвой преступления. Но психологическое воздействие единичных преступлений может вызвать даже потрясение из-за их освещения в СМИ. Большинство людей узнают о преступлении, как правило, из средств массовой информации, потому что вряд ли обыватель читает криминологическую литературу. СМИ, в свою очередь, важно не просто сообщить о преступлении, а привлечь читателя, поэтому освещаются самые тяжкие преступления. Это создает ложное впечатление, что тяжкие преступления являются особой проблемой. В Германии, например, доля сексуальных преступлений (в частности, изнасилование и сексуальное насилие над детьми) в последние годы имеет тенденцию к снижению, но из-за крайне искаженной картины, представляемой в средствах массовой информации, общественность взбудоражена. При этом аргументы общественность ищет опять же в репортажах СМИ, а не в полицейской статистике преступности.

– **Какие группы населения особенно подвержены виктимизации?**

– Международные исследования показывают, что женщины обычно реже становятся жертвами преступлений, они также реже совершают преступления, чем мужчины. Это связано с поведенческой парадигмой социальных полов: мужчины, как правило, чаще готовы идти на риск, чем женщины, женщины ведут себя более осторожно. Они во многих обществах более заняты домашней работой и менее — профессиональной деятельностью, хотя в западных обществах происходит изменение этих стереотипов. Что касается возраста, то самый высокий уровень вик-

тимизации у людей среднего возраста, между 30 и 40 годами, независимо от пола. В Германии, по статистическим данным 2013 г., 18,6 % всех 30–40-летних по крайней мере один раз стали жертвой преступления, среди 40–59-летних — 15,5 %, среди 31–30-летних — 12,8 %, все остальные возрастные группы — менее 10 %. Правонарушители, как правило, и более виктимны, т.е. они не только совершают преступления, но и чаще сами становятся жертвами преступлений.

– Назовите, пожалуйста, несколько имен криминологов, которые много сделали для развития криминологии и чьи исследования признаны во всем мире.

– Самые значимые криминологические исследования и теории зародились в основном в США, поскольку там очень рано возникла эмпирическая криминология, в том числе ее социологическое направление. Основные теоретические подходы были разработаны и развивались в этой стране. Есть значимые более ранние работы Беккариа (1738–1794), который писал о либерализации наказания, пара Шелдон и Элеонора Глюк, которая много сделала в вопросах прогнозирования преступности, американец Э. Сазерленд с его теорией дифференциальной ассоциации, который изучал проблему преступности «бе-

лых воротничков», в Германии — Франц Лист, отмечавший важность социальных факторов в развитии преступности. Значимы работы Эмиля Дюркгейма, указавшего на социальные корни преступности, Мишеля Фуко, занимавшегося проблемой тюрем, Ганса Айзенка, выявлявшего взаимосвязь между преступностью и личностью, Роберта Мертона, изучавшего проблему связи преступности и аномии, Радзиновича, сыгравшего ключевую роль в создании английской криминологии, Дэвида Гарланда, выявившего специфику современной преступности, Дэвида Фаррингтона, под руководством Нильса Кристи осуществившего фундаментальные исследования в области факторов возникновения преступности среди лиц раннего подросткового возраста, австралийца Джона Брейтуэйта, продвигавшего идеи альтернатив традиционным уголовным санкциям, в частности идею восстановительной юстиции. Это только немногие из всемирно известных криминологов.

С. Г. Кури беседовала Т.П. Будякова,
и.о. заведующего кафедрой психологии и педагогики
Елецкого государственного университета
им. И.А. Бунина, кандидат психологических наук,
доцент, юрист

Перевод с немецкого Е.Н. Меркуловой

НЕКОТОРЫЕ ИЗ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ Г. КУРИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Криминология: XX век / В.Н. Бурлаков, В.В. Вандышев, Б.В. Волженкин, Я.И. Гилинский, В.В. Колесников, Н. Кристи, Х. Кури [и др.] ; под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Салтыкова. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2000. — 554 с.
2. Кури Г. Имеет ли наказание превентивный эффект? / Г. Кури // Правоведение. — 2001. — № 3. — С. 143–157.
3. Кури Г. Проблемы изучения преступника как жертвы в современной криминологии / Г. Кури, В. Поклад // Кримінальна субкультура як фактор злочинності: криминологічні дослідження. — Луганськ : Луган. гуманітар. центр, 2008. — Вип. 2. — С. 15–26.
4. Кури Г. О женской точке зрения и оценке жертв преступлений женского пола в Грузии / Г. Кури, Э. Путкард-зе // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2010. — № 2. — С. 87–101.
5. Кури Г. Проблема коррупции в Германии / Г. Кури, О.Ю. Ильченко, А.П. Данилов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 1. — С. 52–60.
6. Кури Г. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса: российский и зарубежный опыт / Г. Кури, О.Ю. Ильченко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 120–129. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).120-129.
7. Punitivity International Developments / H. Kury, E. Shea (eds). — Bochum : Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 2011. — Vol. 1 : Punitiveness — a global Phenomenon. — 433 p. (Готовится перевод на русский язык).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гельмут Кури, ведущий немецкий криминолог, о сложности и неоднозначности криминологических выводов / [С. Г. Кури беседовала Т.П. Будякова ; пер. с нем. Е.Н. Меркуловой] // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 419–422. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).419-422.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Helmut Kury, the leading German criminologist, about the complexity and ambiguity of criminological conclusions. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 419–422. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).419-422. (In Russian).